

УДК 100.1:130.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515><https://elibrary.ru/nnahkf>

Поступила: 18.10.2025

Принята: 06.11.2025

Опубликована: 26.12.2025

ЦИФРОВОЙ СОАВТОР: КАК ИИ МЕНЯЕТ ПРИРОДУ ТВОРЧЕСТВА И СМЫСЛА

*Янукович Максим Францевич**Лаборатория искусственного интеллекта Arteus LLM (Лимассол, Кипр)*

Статья исследует фундаментальную трансформацию процессов создания культурных смыслов в современную эпоху, анализируя переход от стабильной культурной вселенной к фрагментированной «мультивселенной» параллельных смысловых миров. Ключевой тезис статьи заключается в том, что генеративный искусственный интеллект (ИИ) эволюционирует из пассивного инструмента в активного «соавтора» и собеседника. Этот сдвиг порождает новую парадигму диалогического сотворчества в тандеме «человек – машина», которая бросает вызов традиционным представлениям об авторстве, аутентичности и самой природе смысла. Структурно работа раскрывает тезис в три этапа. Сперва описывается «анатомия культурной мультивселенной» — постнарративная среда, где смысл активно конструируется пользователями через ремикс-культуру под влиянием «алгоритмической феноменологии». Далее анализируется появление ИИ как полноценного соавтора, вступающего в диалог с человеком и порождающего новые практики, такие как промпт-инжиниринг, что фундаментально меняет понятие авторства. Наконец, рассматриваются философские последствия этого симбиоза: парадокс творческой инфляции, угроза «семантического коллапса» из-за алгоритмического контроля и кризис аутентичности, вызванный «разрывом интенциональности» между человеком и машиной. В заключении делается вывод, что мы вступаем в новую культурную парадигму, требующую выработки «кибернетической мудрости» и «семантической устойчивости». Будущее творчества видится не как чисто человеческое или машинное, а как сложный, постоянно развивающийся симбиотический процесс, чьи этические, эстетические и экзистенциальные последствия еще только предстоит осмыслить.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творчество, соавторство, культурная мультивселенная, цифровая культура, аутентичность.

Для цитирования:

Янукович М.Ф. Цифровой соавтор: как ИИ меняет природу творчества и смысла // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 506–515. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>. EDN: NNAHKF

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>

Received: 18.10.2025

Accepted: 06.11.2025

Published: 26.12.2025

THE DIGITAL CO-AUTHOR: HOW AI IS RESHAPING THE NATURE OF CREATIVITY AND MEANING

*Maxim F. Yanukovich**Arteus LLM AI Laboratory (Limassol, Cyprus)*

This article explores the fundamental transformation of cultural meaning-making processes in the contemporary era, analyzing the transition from a stable cultural universe to a fragmented «multiverse» of parallel

semantic worlds. The key thesis of the article is that generative artificial intelligence (AI) is evolving from a passive tool into an active «co-author» and interlocutor. This shift engenders a new paradigm of «dialogical co-creation» within the human-machine tandem, challenging traditional notions of authorship, authenticity, and the very nature of meaning. Structurally, the paper unfolds this thesis in three stages. First, it describes the «anatomy of the cultural multiverse» — a post-narrative environment where meaning is actively constructed by users through remix culture influenced by «algorithmic phenomenology». Next, it analyzes the emergence of AI as a full-fledged co-author that engages in dialogue with humans and gives rise to new practices like prompt engineering, fundamentally altering the concept of authorship. Finally, it examines the philosophical consequences of this symbiosis: the paradox of creative inflation, the threat of «semantic collapse» due to algorithmic control, and a crisis of authenticity caused by the «intentionality gap» between human and machine. In conclusion, the article argues that we are entering a new cultural paradigm that demands the cultivation of «cybernetic wisdom» and «semantic resilience». The future of creativity is envisioned not as purely human or machine-driven but as a complex, ever-evolving symbiotic process whose ethical, aesthetic, and existential implications have yet to be fully comprehended.

Keywords: artificial intelligence, creativity, co-authorship, cultural multiverse, digital culture, authenticity.

To cite:

Yanukovich M.F. [The digital co-author: how AI is reshaping the nature of creativity and meaning]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 506–515 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>, EDN: NNAHKF

Введение. Навигаторы через хаос

Современный культурный ландшафт представляет собой не стабильную вселенную общих значений и нарративов, а эстетические коды и претензии на истину в фрагментированном ландшафте бесчисленных параллельных миров смыслов, каждый из которых имеет свою внутреннюю логику. Этот переход от относительно стабильной культурной вселенной к изменчивой мультивселенной представляет собой не простое умножение точек зрения, а фундаментальное изменение в самих механизмах, посредством которых культурный смысл генерируется, передается и стабилизируется. Если раньше «великие нарративы» — те тотализирующие рамки, которые Лиотар определил как характерные для современности [Лиотар Ж.-Ф., 1998], — обеспечивали, казалось бы, прочную основу для коллективного создания смысла, то теперь мы находимся в поле, которое Делез и Гваттари могли бы признать ризоматическим полем взаимосвязанных, но гетерогенных культурных формаций, каждая из которых сохраняет свою внутреннюю логику, участвуя в более широких сетях семиотического обмена [Делез Ж., Гваттари Ф., 2010].

Философские последствия этого сдвига выходят далеко за рамки культурных исследований или теории медиа. Они затрагивают фун-

даментальные вопросы, которые занимают философию с момента ее зарождения: какова связь между универсальным и частным? Как мы конструируем значимые нарративы в отсутствие трансцендентных гарантов истины? Эти вопросы приобретают новую актуальность в эпоху, когда искусственный интеллект (ИИ) не только опосредует наши культурные переживания, но и активно участвует в их создании, поднимая новый вопрос: что составляет аутентичное человеческое выражение, когда границы между человеческим и машинным творчеством становятся все более проницаемыми? Современное состояние человечества характеризуется фундаментальным парадоксом: никогда прежде мы не обладали такими мощными инструментами для создания и распространения смысла, но при этом никогда прежде вопрос о том, что составляет подлинный, ценный смысл, не был столь спорным.

В этой статье рассматривается ключевой тезис: искусственный интеллект коренным образом преобразует творческое создание смысла, выходя за рамки своей традиционной роли пассивного инструмента и выступая в качестве соавтора и собеседника. Эта трансформация дает начало новой парадигме — диалогическому сотворчеству в рамках тандема «человек — машина», — которая бросает вызов нашим самым базовым представлениям о творчестве, авторстве и

самой природе смысла. Чтобы обосновать эту идею, мы должны сначала изучить территорию культурной мультивселенной, которая формирует среду современного создания смысла, затем проанализировать появление ИИ как активного участника творческих процессов и, наконец, рассмотреть философские вызовы и перспективы, которые представляет эта новая парадигма.

Анатомия культурной мультивселенной: среда обитания современного человека

Диагноз Жана-Франсуа Лиотара о постмодернистском состоянии, характеризующемся «неверием в метанарративы», оказался поразительно дальновидным, но в то же время неполным. Грандиозные нарративы — христианство, прогресс Просвещения, марксистский исторический материализм — не просто исчезли, а претерпели любопытную трансформацию [Лиотар Ж.-Ф., 1998]. Они сохраняются не как универсальные рамки, вызывающие всеобщее согласие, а как глубокие ценностные ориентации, которые лежат в основе множества локальных нарративных миров. Каждая идеологическая группа, субкультура или сообщество фанатов создает свою всеобъемлющую систему смыслов, включающую мифы о происхождении, моральные кодексы и телеологические видения. Рассмотрим феномен современных сообществ фанатов, которые выходят за рамки простого потребления развлечений и становятся тотальными системами значений. Преданный член вселенной «Звездных войн» не просто наслаждается нарративом; он обитает в моральном вселенной с четко определенными концепциями добра и зла, жертвы и искупления, власти и ответственности. Эти нарративные миры функционируют как то, что Питер Бергер называл «священным шатром/купалом» (The Sacred Canopy), т.е. всеобъемлющими рамками смысла для интерпретации опыта [Бергер П.Л., 2019]. Однако, в отличие от традиционных священных шатров, они не претендуют на универсальную действительность. Они существуют как острова смысла в архипелаге равноценных альтернатив.

Эта трансформация отражает более глубокий философский сдвиг от того, что мы могли бы назвать «онтологическим монизмом», к «онтологическому плюрализму». Если досовременные и современные мировоззрения

обычно предполагали единую, поддающуюся обнаружению структуру реальности (будь то религиозную или научную), то современная культурная мультивселенная функционирует на основе предположения, что множественные, несоизмеримые реальности могут сосуществовать, не требуя разрешения в более высокое единство. Это не релятивизм в традиционном смысле: каждая вселенная поддерживает внутренние стандарты истины и ценности; это скорее «изолированный абсолютизм», когда абсолютные утверждения действительны в пределах ограниченных областей. Фрагментация единой культурной традиции не привела к пассивному принятию отсутствия смысла, а стала катализатором взрывного роста активных практик создания собственного смысла. Современный субъект стал тем, кого Элвин Тоффлер прозорливо назвал «prosumer» (produces and consumes) — одновременно производителем и потребителем культурного контента [Тоффлер Э., 2004]. Однако это понятие требует философской проработки, выходящей за рамки его первоначальной экономической формулировки. Просьюмер занимается тем, что мы могли бы назвать «герменевтическим бриколажем», собирая смысл из фрагментов уже существующих культурных материалов посредством практики ремиксов, создания мемов и реконструкции нарративов [Серто М. де, 2013].

Философское значение культуры ремиксов выходит за рамки простой рекомбинации существующих элементов. Опираясь на анализ механического воспроизведения Вальтера Беньямина, мы можем понимать ремикс как практику, которая коренным образом изменяет «ауру» культурных объектов [Беньямин В., 2013]. Однако, в то время как Беньямин считал, что механическое воспроизведение разрушает уникальную ауру оригинала, цифровой ремикс создает то, что можно назвать «синтетической аурой» — новые формы культурного резонанса, возникающие в результате творческой рекомбинации деконтекстуализированных элементов. Мем, сочетающий классическую живопись и современный сленг, не просто сопоставляет два культурных артефакта; он создает новое семантическое пространство, которое комментирует одновременно и то, и другое, не сводясь ни к одному из них. Фан-фикшн представляет собой, пожалуй, наиболее интригующую с

философской точки зрения из этих практик. Он представляет собой то, что Мишель де Серто называл «браконьерством» — тактическое присвоение стратегических культурных ресурсов теми, кто не обладает институциональной властью [Серто М. де, 2013]. Однако фан-фикшн выходит за рамки простого присвоения; он представляет собой форму «нарративной демократии», в которой право определять значение отнимается у оригинальных создателей и распределяется между интерпретирующими сообществами. Когда тысячи фанатов пишут альтернативные концовки популярных сериалов, они не просто выражают свои предпочтения, но и утверждают фундаментальное утверждение о природе нарративного значения: оно заключается не в авторском замысле, а в динамическом взаимодействии между текстом и интерпретационным сообществом.

Распространение практик создания смысла соответствует фундаментальному сдвигу в природе конструирования личной идентичности. Концепция нарративной идентичности Поля Рикера — идея о том, что личная идентичность формируется через истории, которые мы рассказываем о себе, — приобретает новые измерения в цифровой среде [Рикер П., 2008]. Современный субъект не просто рассказывает о своей идентичности, но и курирует ее, выбирая из огромного массива культурных материалов для построения того, что можно назвать «идентичностью плейлиста». Эта кураторская практика осуществляется через «алгоритмическую феноменологию». Цифровые платформы, с помощью которых мы конструируем и выражаем идентичность, не просто хранят наши выборы, но и активно формируют их с помощью алгоритмов рекомендаций, фильтров-пузырей и метрик вовлеченности [Хабермас Ю., 2022]. Таким образом, феноменологическое поле, в котором конструируется идентичность, не является чисто человеческим, а представляет собой гибридное пространство, в котором человеческая интенциональность взаимодействует с машинной логикой. Мы выбираем, но наши выборы предлагаются нам алгоритмами, которые уже сделали предварительный отбор на основе паттернов, которые мы, возможно, не осознаем.

Философские последствия этого явления глубоки. Если Хайдеггер говорил о Dasein как о «брошенном» в существование [Хайдеггер М.,

1993], то современный субъект можно охарактеризовать как «брошенный в систему алгоритмов» — брошенный не просто в мир, а в заранее отобранный поднабор возможных миров, выбранных системами машинного обучения, обученными на коллективных моделях поведения. Это поднимает фундаментальные вопросы о свободе воли и аутентичности: может ли идентичность быть аутентичной, если ее составляющие заранее выбраны алгоритмами? Является ли креативность создателей подборки подлинным самовыражением или просто иллюзией выбора в рамках заранее определенных параметров?

Рождение нового соавтора:

ИИ как участник генерации смысла

Появление генеративного искусственного интеллекта знаменует качественный скачок в отношениях между человеческим творчеством и техническим посредничеством. Традиционные инструменты, даже самые сложные, сохраняют то, что Хайдеггер называл «готовостью к употреблению» («ready-to-hand») — при умелом использовании они уходят на второй план, становясь прозрачной функциональностью [Хайдеггер М., 1993]. Кисть становится продолжением руки художника; программа для обработки текстов исчезает за мыслями писателя. Однако генеративный ИИ сопротивляется этому уходу на второй план. Он проявляет то, что можно назвать «упорным присутствием», утверждая себя как активный участник, а не пассивный инструмент.

Эту трансформацию можно понять с помощью акторно-сетевой теории Бруно Латура, которая придает агентность нечеловеческим акторам в сетях отношений [Латур Б., 2014]. Однако генеративный ИИ выходит за рамки даже концепции Латура, демонстрируя то, что кажется творческой агентностью, — способность генерировать действительно новые комбинации, которые удивляют даже их человеческих соавторов. Когда писатель задает вопрос ChatGPT и получает неожиданное направление повествования, или когда художник, работающий с Midjourney, сталкивается с непредвиденным визуальным решением, мы наблюдаем не использование инструмента, а нечто, метафорически напоминающее диалогическую близость «Я – Ты» Мартина Бубера — подлинный диалог, в котором обе стороны преобразуются в

результате обмена [Бубер М., 1993]. Диалогический характер взаимодействия человека и ИИ предполагает новую феноменологию творчества. В традиционных творческих актах художник проецирует свое намерение на пассивный материал — краску на холст, слова на страницу. В творчестве с помощью ИИ намерение сталкивается с «реактивным сопротивлением». ИИ не просто выполняет команды, но интерпретирует, экстраполирует и иногда продуктивно неправильно понимает. Это создает то, что Михаил Бахтин назвал «диалогической правдой» — смысл, который возникает не из монологического утверждения, а из взаимодействия между разными голосами, даже если один из голосов является алгоритмическим, а не человеческим [Бахтин М.М., 1979].

Генеративный ИИ вводит «эстетику бесконечности» — способность производить неограниченные вариации в пределах пространства параметров. Это представляет собой фундаментальный разрыв с экономикой дефицита, которая исторически определяла культурное производство. В то время как традиционное творчество было ограничено человеческим временем, энергией и вдохновением, генеративные системы могут производить бесконечные итерации, вариации и рекомбинации. Мы являемся свидетелями появления того, что можно назвать «процессуальной культурой» — культурных форм, которые существуют не как фиксированные артефакты, а как распределения вероятностей в обширных пространствах возможностей. Этот переход от дефицита к изобилию коренным образом меняет феноменологию культурного взаимодействия. Взаимодействуя с контентом, сгенерированным ИИ, мы испытываем «онтологическое головокружение» — тревожное осознание того, что любое конкретное проявление является лишь одной из бесконечных возможностей. Изображение Midjourney преследуют бесчисленные вариации, которые могли бы возникнуть из слегка отличающихся подсказок или случайных исходных данных. Это создает новую форму того, что Деррида называл *différance* (дифферанс) [Деррида Ж., 2000] — игру различия и отсрочки, при которой смысл никогда не замыкается в присутствии, а скользит по следам других различий.

Философские последствия распространяются на наше понимание самих культурных ко-

дов. Когда генеративные системы ИИ, такие как ChatGPT или Midjourney, становятся источниками культурного производства, они не просто воспроизводят существующие коды, но и генерируют новые комбинации, которые сами по себе могут стать культурными референциями. Мы наблюдаем появление «эстетики ИИ» — узнаваемых стилистических паттернов, которые характеризуют контент, сгенерированный ИИ, и все больше влияют на человеческих творцов. Это представляет собой форму «машинного бессознательного» — паттерны и предпочтения, заложенные в обучающих данных и архитектурах моделей, которые формируют культурное производство способами, которые могут быть не полностью осознанными ни для человеческих пользователей, ни для разработчиков ИИ.

Практика инженерии подсказок, создание входных данных для получения желаемых результатов от генеративного ИИ представляет собой новую форму герменевтического взаимодействия. В отличие от традиционной интерпретации, которая стремится раскрыть смысл текстов, инженерия подсказок может быть понята как «герменевтика перспективы» — искусство предвидения и направления потенциальных значений, которые еще не существуют. Инженер подсказок занимается тем, что Ганс-Георг Гадамер назвал «слиянием горизонтов» [Гадамер Х.-Г., 1988], но с одним важным отличием: один горизонт принадлежит человеку-интерпретатору, а другой — непостижимому алгоритмическому процессу. «Черный ящик» нейронных сетей добавляет к этой герменевтической практике измерение фундаментальной неопределенности. Мы никогда не сможем полностью предсказать или контролировать результаты ИИ, а лишь влиять на их вероятностное распределение. Это коммуникация, контингентный диалог, в котором смысл возникает из пересечения человеческого намерения и алгоритмической случайности. Таким образом, каждое взаимодействие с генеративным ИИ становится тем, что Жак Деррида мог бы признать «событием» [Деррида Ж., 2000] — уникальным, неповторимым появлением смысла, которое невозможно полностью предсказать или контролировать. Эта практика требует новых форм «алгоритмической грамотности» — не технического понимания архитектуры

нейронных сетей, а практической мудрости о том, как продуктивно взаимодействовать с системами ИИ. Подобно древнегреческому понятию «метис» (хитроумный интеллект), промпт-инжиниринг требует гибкого, адаптивного интеллекта, способного работать с непредсказуемостью и через нее. Это представляет собой форму «совместного познания», когда человеческий и машинный интеллект переплетаются, чтобы дать результаты, которых ни один из них не мог бы достичь в одиночку.

Появление ИИ в качестве творческого соавтора ускоряет онтологический кризис авторства [Барт Р., 1994]. Традиционное понятие автора (от лат. *auctor* — инициатор, родоначальник, тот, кто порождает) предполагает наличие единственного, исходного сознания, стоящего за творческими произведениями. Ролан Барт провозгласил «смерть автора», чтобы подчеркнуть роль читателя в создании смысла, но сотрудничество с ИИ предполагает нечто более радикальное: «распределение автора» между человеческими и нечеловеческими агентами. Это распределение ставит под сомнение основы нашего понимания творческого происхождения. Когда человек дает подсказку, а ИИ генерирует сложный нарратив или изображение, где находится авторство? В первоначальном намерении человека? В обучающих данных ИИ, агрегирующих миллионы созданных людьми примеров? В конкретном взаимодействии между подсказкой и моделью? Или в кураторском акте выбора из множества вариантов, сгенерированных ИИ? Этот вопрос не поддается простому решению, поскольку он предполагает традиционное понятие авторства, которое, вероятно, больше не применимо.

Вместо этого нам, возможно, нужно разработать то, что можно назвать «сетевой теорией авторства», в которой творческий процесс понимается как возникающее свойство сложных систем, а не как продукт индивидуальных агентов. Это согласуется с постгуманистическим мышлением, которое децентрализует человеческое действие, но с важным дополнением: признанием того, что создание смысла теперь включает в себя агентов, которые не являются ни полностью человеческими, ни полностью автономными, но существуют в пограничном пространстве между инструментом и соавтором.

Вызовы и перспективы совместного творчества человека и машины

Широкая доступность генеративных инструментов искусственного интеллекта представляет собой фундаментальный парадокс: является ли всеобщий доступ к сложным творческим возможностям демократизацией культуры или ее окончательной девальвацией? С одной стороны, люди, не имеющие традиционного художественного образования, теперь могут создавать сложные изображения, увлекательные нарративы и комплексные музыкальные композиции. Это можно рассматривать как осуществление авангардной мечты об устранении различия между художником и зрителем, профессионалом и любителем. С другой стороны, эта же доступность вызывает опасения по поводу того, что можно назвать «творческой инфляцией»: когда каждый может создавать контент профессионального качества, теряет ли такой контент свою ценность?

Этот парадокс можно понять с помощью концепции «общей экономики» Жоржа Батая, которая проводит различие между ограниченными экономиками, основанными на дефиците и консервации, и общими экономиками, характеризующимися избытком и расходами. Традиционный мир искусства функционировал как ограничительная экономика, где ценность определялась дефицитом — редким талантом, уникальным видением, незаменимым оригиналом [Батай Ж., 2006]. Творчество, опосредованное ИИ, переводит нас в общую экономику изобилия, где ценность должна быть переосмыслена не с точки зрения дефицита, а, возможно, с точки зрения резонанса, актуальности или отношения к конкретным сообществам. Философская проблема уходит глубже, чем экономическая ценность, и затрагивает то, что Чарльз Тейлор называет «этикой аутентичности» [Taylor Ch., 1992]. Если аутентичное самовыражение было центральной ценностью современной культуры, что происходит, когда это выражение опосредуется системами, обученными на агрегированных выражениях миллионов других людей? Мы сталкиваемся с «парадоксом вспомогательной аутентичности» — возможностью того, что ИИ может помочь людям выражать себя более полно, одновременно унифицируя выражение через статистические закономерности, заложенные в обучающих данных.

Роль ИИ выходит за рамки творческой помощи и может быть охарактеризована как «алгоритмическая опека возможностей». Алгоритмы рекомендаций, метрики вовлеченности и возможности платформы не просто способствуют созданию, но и активно формируют то, что кажется достойным создания. Здесь мы сталкиваемся с тем, что Жиль Делез назвал «обществами контроля» [Делез Ж., 2004] — системами, которые не запрещают явно, а скорее модулируют, действуя посредством постоянной корректировки возможностей, а не дискретных разрешений и запретов. Это алгоритмическое формирование действует через то, что можно назвать «мягким детерминизмом», не навязывая конкретных результатов, но делая некоторые результаты гораздо более вероятными, чем другие. Когда системы ИИ, обученные на существующем контенте, предлагают творческие направления, они неявно кодируют и закрепляют существующие шаблоны, потенциально создавая «культурные рекурсивные петли», когда будущее творчество все больше отражает статистические шаблоны прошлого творчества. Это вызывает призрак того, что Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер определили в индустрии культуры — стандартизация, маскирующаяся под новизну, — но с одним важным отличием: стандартизация возникает не из корпоративного планирования, а из математической оптимизации [Хоркхаймер М., Адорно Т., 1997].

Формирование фильтрующих пузырей и эхо-камер приобретает новые измерения, когда ИИ становится не просто посредником, а соавтором контента. Если алгоритмы показывают нам контент, похожий на тот, с которым мы имели дело ранее, и теперь также помогают нам создавать контент, отражающий те же самые шаблоны, мы рискуем столкнуться с «семантическим коллапсом» — прогрессирующим сужением пространства значений, поскольку алгоритмические петли обратной связи усиливают существующие предпочтения и шаблоны. Это представляет собой новую форму «колониализации жизненного мира» Юргена Хабермаса, когда системные императивы (в данном случае алгоритмическая оптимизация) все в большей степени структурируют области создания смысла человеком [Хабермас Ю., 2022].

Теория симулякров Жана Бодрийяра, копий без оригиналов, обретает новую актуальность в

эпоху генеративного ИИ [Бодрийяр Ж., 2015]. Когда ИИ может создавать изображения событий, которые никогда не происходили, истории людей, которые никогда не существовали, и музыку в стиле любого артиста, живого или умершего, мы живем в «генеративном симулякре» — реальности, в которой различие между аутентичным оригиналом и искусственным порождением становится все более бессмысленным. Это не просто симуляция в понимании Бодрийяра, а нечто более радикальное: продуктивная симуляция, которая дополняет реальность, а не просто копирует ее.

Вопрос о том, может ли значение, сгенерированное ИИ, быть «реальным», неверно формулирует проблему. Следуя прагматической философии, мы могли бы утверждать, что значение является реальным, если оно имеет реальные последствия, если оно «трогает» людей, вдохновляет на действия, создает связи [Джеймс У., 1910]. Стихотворение, сгенерированное ИИ, которое вызывает у кого-то слезы, не менее «реально» в своих последствиях, чем стихотворение, написанное человеком. Однако это прагматическое разрешение проблемы аутентичности оставляет нерешенной проблему «разрыва интенциональности» — разрыв между человеческим намерением и машинным генерированием, который никогда не может быть полностью преодолен. Этот разрыв проявляется в «семантической странности» — тонким ощущением, что в контенте, сгенерированном ИИ, что-то не так, даже если он технически совершенен. Эта странность может проистекать из того, что феноменологи называют «жизненным опытом» — качеством сознательного опыта от первого лица, которое невозможно воспроизвести с помощью сопоставления шаблонов. Когда мы ощущаем это отсутствие в контенте, сгенерированном ИИ, мы, возможно, обнаруживаем недостаток того, что Эммануэль Левинас называл «лицом» [Левинас Э., 2000] — нередуцируемую инаковость другого сознания, требующую этического признания.

Заключение: Человек и цифровой соавтор: контуры новой культурной парадигмы

Трансформация, которую мы проследили — от стабильной культурной вселенной через фрагментированную мультивселенную к возникающему сотрудничеству человека и машины, —

представляет собой нечто большее, чем технологический сдвиг. Она составляет то, что Томас Кун мог бы признать как смену парадигмы в том, как смысл сам по себе воспринимается и создается [Кун Т., 1977]. Роль человека трансформируется из роли интерпретатора, стремящегося раскрыть уже существующие значения, в роль навигатора и соавтора, участвующего в непрерывном создании смысла в диалоге с человеческими и нечеловеческими акторами. Эта новая парадигма требует того, что можно назвать «кибернетической мудростью» — не просто технических навыков использования инструментов ИИ, но и философской утонченности в понимании природы сотрудничества человека и машины. Она требует способности поддерживать то, что Джон Дьюи называл «интеллектуальным действием», даже когда это действие распределено между человеческими и искусственными агентами [Дьюи Дж., 2000]. Самое главное, это требует «семантической устойчивости» — способности создавать и поддерживать значимые человеческие нарративы, даже когда границы между человеческим и машинным творчеством становятся все более размытыми.

Будущее, к которому мы движемся, не является ни утопическим, ни антиутопическим, но может быть охарактеризовано как «сложностное», отмеченное сосуществованием множественных, несоизмеримых пространств создания смысла [Аршинов В.И., 2015]. В этом будущем вопрос заключается не в том, могут ли машины действительно создавать смысл (они уже это делают в сотрудничестве с людьми), а в том, как мы справляемся с этическими, эстетическими и экзистенциальными вызовами мира, в котором смысл возникает из все более сложных совокупностей человеческих и нечеловеческих агентов.

Философская задача, стоящая перед нами, заключается не в том, чтобы разрешить противоречия между человеческим и машинным творчеством, между аутентичностью и симуляцией, между демократическим доступом и культурной ценностью. Скорее, она заключается в разработке концептуальных рамок, достаточно тонких, чтобы удерживать эти противоречия в продуктивном диалоге. Нам нужно то, что Ричард Рорти назвал «переописанием» — новый словарный запас, способный запечатлеть

новые формы опыта и творчества, возникающие в результате сотрудничества человека и искусственного интеллекта [Рорти Р., 1996]. Стоя на этом пороге, мы можем вспомнить наблюдение Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия» [Хайдеггер М., 1993, с. 192]. Если это так, то в настоящее время мы участвуем в огромном архитектурном проекте, строя новые комнаты в этом доме — пространства, где человеческий и искусственный интеллект могут сосуществовать, общаться и совместно творить. Формы, которые примут эти пространства, значения, которые возникнут в них, и формы жизни, которые они позволят создать, остаются радикально открытыми. Одно можно сказать наверняка: творческое создание смысла в будущем не будет ни чисто человеческим, ни чисто искусственным, а будет чем-то беспрецедентным: совместной формой культурного производства, которая бросает вызов нашим самым фундаментальным представлениям о творчестве, сознании и том, что значит быть человеком в мире, превосходящем человеческое.

Это не вывод, а начало — приглашение к философскому размышлению о практиках, которые еще только зарождаются, и полные последствия которых мы едва можем представить. Диалог между человеческим и машинным интеллектом только начался, и его философское осмысление остается задачей для постоянного коллективного размышления. В этой задаче мы все являемся участниками, плавающими по неопределенным водам культурной мультивселенной, где смысл не находится, а постоянно создается и пересоздается в танце между человеческим намерением и алгоритмической возможностью.

Список литературы

Аршинов В.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1 // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 86–99. DOI: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.a06>

Барт Р. Смерть автора / пер. с фр. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.

Батай Ж. Проклятая часть: Опыт общей экономики / пер. с фр. А.В. Соловьева // Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006. С. 107–233.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Краткая история фотографии / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Ad Marginem, 2013. С. 60–113.

Бергер П. Л. Священная завеса: Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафронова. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 208 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.

Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М.: Высш. шк., 1993. 175 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.А. Журиной и др.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры (1972–1990) / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 226–233.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: популярный лекции по философии / пер. с англ. П.С. Юшкевича с прил. ст. пер. о прагматизме. СПб.: Шиповник, 1910. 244 с.

Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. Ю.И. Турчаниновой и др. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И.Н. Полонской; под ред. С.М. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

Левинас Э. Тотальность и бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.

Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. М.: Русское феноменол. об-во, 1996. 282 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д.Я. Калугина, Н.С. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др.; науч. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М.: АСТ, 2004. 784 с.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Т. 1–2 / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения: философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, 1997. 312 с.

Taylor Ch. The ethics of authenticity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 150 p.

References

Arshinov, V.I. (2015). [Complexity world and its observer. Part 1]. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki* [Philosophy, Methodology and History of Science]. No. 1, pp. 86–99. DOI: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.a06>

Bakhtin, M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskuststvo Publ., 424 p.

Barthes, R. (1989). [The Death of the Author]. *Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika* [Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., pp. 384–391.

Bataille, G. (2006). [The accursed share: An essay on general economy]. *Batay Zh. Proklyataya chast'* [Bataille G. The accursed share]. Moscow.: Ladomir Publ., pp. 107–233.

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum Publ., 240 p.

Benjamin, W. (2013). [The work of art in the age of mechanical reproduction]. *Ben'yamin V. Kratkaya istoriya fotografii* [Benjamin W. A short history of photography]. Moscow: Ad Marginem Publ., pp. 60–113.

Berger, P.L. (2019). *Svyashchennaya zavesa: elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 208 p.

Buber, M. (1993). *Ya i Ty* [I and Thou]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 175 p.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretenie повседневности. 1. Iskustvo delat'* [The practice of everyday life. 1. The art of making]. Moscow: Ad Marginem Publ., 330 p.

ryday life. Part 1]. St. Petersburg: European University Publ., 330 p.

Deleuze, G. (2004). [Postscript on the societies of control]. *Delez Zh. Peregovory (1972–1990)* [Deleuze G. Negotiations, 1972–1990]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 226–233.

Deleuze, G. and Guattari, F. (2010). *Tsysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plat-eaus. Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., Moscow: Astrel' Publ., 896 p.

Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [Of grammar-tology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.

Dewey, J. (2000). *Demokratiya i obrazovaniye* [Democracy and education]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 384 p.

Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method]. Mos-cow: Progress Publ., 704 p.

Habermas, J. (2013). *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti. T. 1–2* [The theory of communicative action. Vols. 1–2]. Moscow: Ves' Mir Publ., 880 p.

Heidegger, M. (1993). [Letter on humanism]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger, M. Time and being: Articles and speech-es]. Moscow: Respublika Publ., pp. 192–220.

Horkheimer, M. and Adorno, T. (1997). *Dialek-tika Prosvetsheniya: Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: philosophical fragments]. Mos-cow: Medium Publ., 312 p.

James, W. (1910). *Pragmatizm: novoye nazvaniye dlya nekotorykh starykh metodov myshleniya* [Prag-matism: a new name for some old ways of thinking]. St. Petersburg: Shipovnik Publ., 244 p.

Kuhn, T. (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress Publ., 300 p.

Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social. An introduction to actor-network theory]. Moscow: HSE Publ., 384 p.

Levinas, E. (2000). [Totality and infinity]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonечноe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., pp. 66–291.

Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition: a report on knowledge]. Moscow: Institut Eksperimental'noy Sotsiologii Publ., St. Petersburg: Aleteya Publ., 160 p.

Ricoeur, P. (2008). *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as another]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 416 p.

Rorty, R. (1996). *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, irony, and solidarity]. Moscow: Russkoe Fenomenologicheskoe Obschestvo Publ., 282 p.

Taylor, Ch. (1992). *The ethics of authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 150 p.

Toffler, A. (2004). *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST Publ., 784 p.

Об авторе

Янукович Максим Францевич

руководитель лаборатории по исследованию прикладного применения машинного обучения и нейронных сетей

Лаборатория искусственного интеллекта
Arteus LLM,
Республика Кипр, 3027, Лимассол, пр. Архиеп.
Макариуса III, 172, Мелфорд Тауэр;
e-mail: m.yanukovich@gmail.com
ResearcherID: KCX-8902-2024

About the author

Maxim F. Yanukovich

Head of the Applied Machine Learning
and Neural Networks Laboratory

Arteus LLM AI Laboratory,
Melford Tower, 172, Arch. Makariou III av.,
Limassol, 3027, Republic of Cyprus;
e-mail: m.yanukovich@gmail.com
ResearcherID: KCX-8902-2024